

Путь крестной славы

Жизнь, труды и мученическая кончина за Христа профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова

Суровые испытания, выпавшие после революции 1917 года на долю Русской Православной Церкви, не обошли стороной и преподавателей духовных учебных заведений. Более того, пришедшие к власти атеисты свой первый удар сразу направили против духовных семинарий и академий, сначала — снимая их с госбюджета, а затем — ограничивая перечень преподаваемых предметов лишь строго церковными. Духовные школы вытеснялись из занимаемых помещений, вместо них там размещали различные военные и государственные учреждения. Например, в здания Московской духовной академии были переведены из Петрограда Высшие офицерские электротехнические курсы, позже преобразованные в Высшую военную электротехническую академию. В результате весной 1919 года Духовная академия вынуждена была прекратить занятия в Сергиевом Посаде и переехать в Москву, где в весьма сложных политических и финансовых условиях просуществовала до 1925 года.

Той же весной 1919 года советская власть развернула кампанию по надругательству над мощами святых угодников Божиих, изымая их из храмов и помещая в антирелигиозные музеи. Эти акции вызывали законные протесты среди духовенства и верующих людей; на возмущения репрессивные органы отвечали арестами. Среди арестованных были бывшие и действительные члены профессорско-преподавательской корпорации Московской духовной академии: благочинный Академического храма архимандрит Варфоломей (Ремов), епископ Углический Иосиф (Петровых), церковный правозащитник Николай Дмитриевич Кузнецов. Тогда же первый раз был подвергнут аресту и архимандрит Иларион (Троицкий).

Основные репрессии начались весной 1922 года вместе с провокационным изъятием церковных ценностей. Цель правительства была двойкой: ограбление Церкви в пользу партийной кассы¹ и дискредитация духовенства в глазах народа, голодавшего из-за жестокого неурожая, особенно в Поволжье. Массовые репрессии прошли затем в 1928–29 и 1937–38 годах. Особенно жестокими были последние, когда расстрел стал повсеместным явлением.

В общей сложности из членов академической корпорации, в составе которой за 25 лет находилось около 90 человек, репрессиям подверглось около 35 человек. Среди них были лица, окончившие Академию и находившиеся в ней на невысоких административных должностях до своего назначения на другое место церковного служения — например, митрополит Петр,

Патриарший местоблюститель, который проработал 4 года (с 1892 по 1896) в качестве Помощника инспектора Академии.

Статьей про И.В. Попова мы начинаем серию публикаций, в которой проследим жизненный путь некоторых новомучеников — преподавателей Московской духовной академии.

Труженик науки

Иван Попов родился 17 января 1867 года в городе Вязьма Смоленской губернии в семье священника Воскресенской церкви Василия Михайловича Попова и его супруги Веры Ивановны. В 1888 году окончил Смолен-

скую духовную семинарию, в 1892-ом — Московскую духовную академию. В 1893 году Иван Васильевич назначен временно исполняющим должность доцента по кафедре патристики. Свою первую лекцию, о Тертуллиане, по традиции Московской академии он прочел перед преподавателями. В 1897 году Иван Васильевич защитил магистерскую диссертацию и утвержден в должности доцента Академии, а уже на следующий год назначен экстраординарным профессором по кафедре патристики.

1901–1902 годы Иван Васильевич провел за границей, в Берлине и в Мюнхене, где слушал лекции по богословию. «Целый месяц уже слушаю лекции в университете и участвую в практических занятиях по разным предметам. Профессоров на богословском факультете немного, и каждый читает самые разнообразные предметы. Я удивляюсь, каким образом у них хватает времени, чтобы изучить все эти разнообразные предметы. Мы кое-как успеваем овладеть только частью одного предмета. Это повергает в уныние. Лекции посещаются студентами очень исправно. Каждый является с тетрадкой, чернильницей и пером и тщательно записывает. В этом отношении особенно возмутительна исправность курсисток, которые пробрались-таки и на богословский факультет. После лекций у них между собою (студенты посматривают здесь на них довольно косо) начинается проверка и воспроизведение записанного. Исправность студентов, кроме, разумеется, самого качества лекций, в значительной степени объясняется тем, что за лекции плачены деньги и каждый хочет использовать свой расход», — писал он своему давнишнему другу, доценту Духовной академии Сергею Ивановичу Смирнову.

После возвращения из-за границы Иван Васильевич в 1903 году был назначен на должность редактора «Богословского вестника», что доставляло ему немало дополнительных хлопот. Особенно стало трудно, когда в 1905 году в русском обществе, в том числе и в академических кругах, разгорелись страсти, касающиеся политических вопросов. «Богословский вестник» был обвинен в либерализме, и в 1906 году Иван Васильевич подал прошение о снятии с него обязанностей редактора.

Помимо работы в Академии, Иван Васильевич с 1907 года состоял приват-доцентом по кафедре истории Церкви на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1917 году профессор И.В. Попов защитил в Академии докторскую диссертацию «Личность и учение блаженного Августина», которая явилась фундаментальным трудом на эту тему.

Глубины святоотеческой мудрости

Один из студентов, слушавших лекции Ивана Васильевича в Академии, писал о нем в своих воспоминаниях: «Пожилой мужчина с аскетически строгим, худым, окаймленным небольшой бородой лицом на первый взгляд не привлекал внимания, и только приглядевшись, можно было увидеть в его глазах глубокую сосредоточенность и внутреннюю силу. Последнюю он смог вполне проявить позднее, во время своих неоднок-

Профессор И.В. Попов

ратных ссылок и в изгнаниях, когда в крайне трудных условиях жизни не терял стойкости и бодрости духа, переносил лишения с мужеством мученика древних времен, как мне рассказывали об этом живые свидетели его подвигов.

Свои лекции он читал интересно, чувствовалось, что за его словами скрывается глубокое содержание и прекрасное знание своей дисциплины. Философия святых отцов вырисовывалась перед нами как непосредственное продолжение древней эллинской мысли и, одновременно, как глубочайший корректив, исходивший из Божественного Откровения, ко всему ценному, что внесла в мир античность.

Член Всероссийского Церковного Собора, доктор богословия, погруженный в древность, он активно откликался на все современное, причем не только по вопросам церковной жизни. В нем не было повального осуждения того нового, что шумело и кипело вокруг. Напротив, он старался понять смысл совершавшихся перемен, причины, породившие их именно в данной форме, пытался предсказать то, что последует в дальнейшем».

Свидетель пребывания Ивана Васильевича на Соловках протоиерей Михаил Польский писал о нем: «Говорить о научно-богословской работе Ивана Васильевича Попова — особая задача. Во всяком случае, в России патрология как наука впервые создана им. Характеризуя его ученость, архиепископ Иларион (Троицкий) говорил: «Если бы, отцы и братья, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто пред знаниями Ивана Васильевича».

На закате Академии

Иван Васильевич преподавал в Московской духовной академии до ее закрытия в Лавре в 1920 году, после чего до 1923 года — в Московском университете на кафедре философии средних веков, которая была преобразована в Философский исследовательский институт.

О настроении Ивана Васильевича в послереволюционные годы свидетельствует следующий отрывок из его письма, написанного зимой 1919-го года в селе Самуйлово Гжатского уезда, куда он уезжал на время каникул: «Зимняя тишина, безлюдье и ровная белая пелена кругом так успокоительно действуют на душу, постоянно возмущенную там, где теперь кипит котел с помоями. В доме у нас все благополучно. После бури крестьянского восстания, унесшего много бесполезных жертв, все снова успокоилось. В деревне «затишье, снежок, полумгла».

В феврале 1920 года Иван Васильевич писал профессору Петроградской духовной академии Николаю Никаноровичу Глубоковскому: «Участь Вашей Академии ожидает и нашу. Я уверен, что в будущем году она функционировать не будет. Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание Академии у Церкви нет. Это очень горько. Я думаю не о своей личной судьбе: мы все, конечно, где-нибудь пристроимся и найдем себе кусок хлеба... Нет, не личная судьба, а гибель учреждения, которое любил и которому добросовестно служил 26 лет, — вот что угнетает. А затем хотелось бы оформить все сделанное за четверть века и издать в виде ученого и подробного курса мои конспекты. Но

как это сделать вдали от библиотеки и при отсутствии необходимого досуга?»

«С формулировкой обвинения не согласен»

В связи с обновленческим расколом и тем, что часть архиереев потом вернулась из раскола, некоторыми церковными людьми стали составляться списки архиереев: православных и находящихся в расколе. И Иван Васильевич как человек, хорошо знавший церковную жизнь, также стал составлять подобный список, отражая в нем и настоящее положение епископата: кто из архиереев находится на кафедре, кто заключен в тюрьму или сослан. Составление такого списка было тем более важно, что по сведениям, дошедшим до Патриарха Тихона, на 1925 год намечался созыв Собора всех Православных Восточных Церквей, на который предполагалось направить делегацию и от Русской Православной Церкви.

10 декабря 1924 года Иван Васильевич был арестован и заключен в тюрьму ОГПУ в Москве. С этого времени профессор патристики сам стал участником церковной истории и своим личным примером ему предстояло явить подвиг верности Христу, которым прославились и просияли святые отцы.

На вопросы следователя о его отношении к советской власти, Иван Васильевич отвечал: «Я как христианин не сочувствую в современном порядке вещей антирелигиозному и аморальному уклону; последний, может, отчасти вытекает из первого. Кроме этого, в советском государстве мне не нравится отсутствие некоторых институтов, имеющих в других государствах, как то: свободы слова, неприкосновенности личности и так далее; вообще я принципиальный противник какой бы то ни было диктатуры... В общем же я безусловно подчиняюсь советской власти».

27 апреля 1925 года Ивану Васильевичу было предъявлено обвинение в том, что он «виновен в сношениях с представителями иностранных государств с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению к советской власти, для каковой цели Поповым давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях со стороны советской власти на Церковь и епископат» (имелось в виду составление списков архиереев для предполагавшегося Собора).

На обороте текста обвинительного заключения Иван Васильевич написал: «С формулировкой обвинения не согласен. Возражения свои изложу после того, как мне дана будет возможность прочесть формулировку предъявленных статей в кодексе законов».

19 июня 1925 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам заключения и он был отправлен в Соловецкий концлагерь. Туда же был отправлен и его ближайший ученик, занимавшийся под его руководством церковной историей и патрологией, Антоний Тьевар¹.

¹ Священномученик Серафим (Тьевар; †6 декабря 1931 года) постановлением Священного Синода 30 июля 2003 года причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских.

Записка соловецких епископов

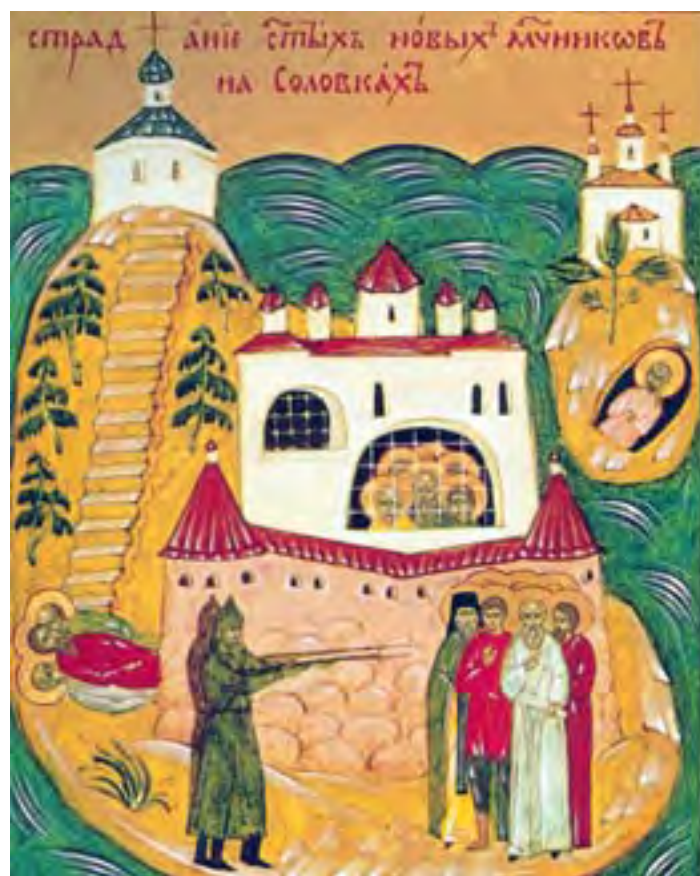
Профессор Иван Васильевич Попов был составителем текста обращения православных епископов к правительству СССР, известного как «Памятная записка соловецких епископов», которое после обсуждения заключенными в Соловецком концлагере архиереями приняло свой окончательный вид. В этом обращении говорилось: «Свое отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели; она никогда не призывает к оружию и политической борьбе; она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей конституцией, и не может стать слугой государства...

Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угодить силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы...

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергнется, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на необоримую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания».

Предполагалось, что на основе «Памятной записки» будет составлен официальный церковный документ, регулирующий отношение Церкви к государству. Отчасти эту роль впоследствии выполняла Декларация митрополита Сергия².

Протоиерей Михаил Польский так вспоминал о том, как обсуждалась и принималась «Памятная записка»: «В день отдания Пасхи, 26 мая / 7 июня 1926 года, в монастырском кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря заключенных, собрались, по возможности, все заключенные здесь епископы для заслушания доклада другого узника, профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова. Складом продуктов и их раздачей заключенным заведовал игумен из Казани отец Питирим (Крылов), имевший группу сотрудников из духовенства. Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое и приняло так назы-

ваемую «Памятную записку соловецких епископов», должную быть представленной на усмотрение правительства...

Совершенно неожиданно, в неурочное время лагерь стал обходить для осмотра начальник всех лагерей Соловецкого острова Эйхман со своим штабом. Отец Питирим встретил его в складе и надеялся, что он не пойдет в его комнату, где происходило в это время заседание епископов. Но начальник решительно подошел к дверям и открыл их. Увидев вместе большую группу духовенства, он удивился: «Это что за собрание?» — «У нас сегодня праздник», — ответил смущенно отец Питирим. Почему этот момент прошел благополучно, трудно сказать. Надо полагать, что начальство вообще было довольно порядком в складе и в то время заключенному духовенству позволялось иногда по праздникам ходить в кладбищенскую церковь преподобного Онуфрия, открытую для остатка монахов, рабочих-специалистов, временно оставшихся еще на пепелище своего монастыря. Потом эта поблажка была уничтожена. Все вольнонаемные монахи были удалены из лагеря и последний их храм закрыт.

Иван Васильевич Попов, благочестивый старец-аскет, профессор святоотеческой литературы, автор ценнейших печатных трудов, при составлении «Записки» руководствовался указаниями старшего среди архиереев на Соловках архиепископа Евгения (Зернова). С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал «Записку» небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике».

²Послание митрополита Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 года.

Сибирь

4 ноября 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам ссылки, и он был отправлен на реку Обь под Сургут.

«Первое время, — писал о нем протоиерей Михаил, — квартирные условия были плохие и он не имел возможности заниматься своими учеными трудами, а собирал и сушил грибы, которые посылал своим друзьям в центр России, откуда получал посылки. Через несколько месяцев он был переведен в другое место, где было получше. С ним жил ссыльный епископ Онуфрий (Гагальюк), относившийся к нему с особенной любовью. Здесь Иван Васильевич трудился над сочинением о святителе Григории Нисском».

11 декабря 1930 года истек срок ссылки, но Ивану Васильевичу выехать не разрешили. В конце декабря против него было затеяно новое дело. 8 февраля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к лишению права проживания в ряде областей и краев России, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. В тот же день он был вновь арестован и заключен в тюрьму в Сургуте по обвинению в проведении антисоветской агитации. Затем местом жительства Ивана Васильевича стало село Реполово Тюменской области.

Из ссылки Иван Васильевич вернулся лишь в 1934 году. Поселившись в Люберцах под Москвой, он восстановил связи с оставшимися в живых знакомыми и учениками по Академии. Их встречи чаще всего происходили на квартире архиепископа Варфоломея (Ремова), который приглашал к себе некоторых архиереев, приезжавших на сессии Синода. 21 февраля 1935 года, вскоре после одной из таких встреч, Иван Васильевич был арестован.

26 апреля 1935 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Ивана Васильевича Попова к пяти годам ссылки в Красноярский край. Через некоторое время Ивана Васильевича перевели в село Игнатово того же района и поселили в доме пастуха. Ивану Васильевичу выделили отдельную комнату, жена хозяина готовила ему пищу. В ссылке у него было много книг, присланных ему друзьями, так что в какой-то мере он смог продолжить свои научные занятия. Но началась новая волна гонений. По приказанию Сталина и советского правительства ссыльных стали вновь арестовывать и большей частью расстреливать. 9 октября 1937 года был арестован и заключен в тюрьму в Енисейске и Иван Васильевич Попов.

Убеленный кровью

11 октября был допрошен в качестве свидетеля один из ссыльных по фамилии Виолович, который среди прочего дал такие показания об Иване Васильевиче: «Отбывая срок ссылки в селе Игнатово, где также находился Иван Васильевич Попов, мне неоднократно приходилось вести с ним разговоры на политические темы. Будучи чрезвычайно осторожен и всячески смягчая впечатления, Попов все же стал выражать свои

контрреволюционные взгляды, которые он распространял и среди местных жителей. Так, например, в разговоре с Поповым 7 июня 1937 года последний заявил: «Экспедиция на Северный полюс, так шумно рекламируемая нашими газетами, есть средство и попытка отвлечь внимание масс от политической злобы дня, смазать наиболее серьезные и острые противоречия». Продолжая разговор, Попов привел другой пример контрреволюционного содержания: «Стахановское движение — тоже попытка создать шумиху вокруг пустяковых вопросов, кроме этого есть отрицание проблемы качества работы и погоня за количеством, успехом у масс эти методы работы пользоваться не могут». Я возражал Попову, что приведенные им примеры не отвечают действительности, но он настаивал на своем. Второй раз мне с Поповым пришлось встретиться 19 июня 1937 года после вынесения приговора над шпионами-фашистами восьмерки Тухачевского. По поводу расстрела этой шпионской восьмерки Попов высказал свои контрреволюционные взгляды следующего содержания: «Расстрел восьми крупных военных работников, а также последние репрессии вообще показывают, что монолитность ВКП(б) есть мыльный пузырь, так как на самом деле мы видим уход из партии и расстрел самых видных ее деятелей, в прошлом ее организаторов. Законы революции вообще таковы, что самые ее видные деятели всегда пугаются широты и размаха, того движения, которое они вызвали, и идут на эшафот. Так было во Французской революции, так происходит и сейчас в СССР».

3 декабря 1937 года следствие было закончено. В Енисейской тюрьме Иван Васильевич встретил день своего рождения. 5 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила Ивана Васильевича к расстрелу. Иван Васильевич Попов был расстрелян 8 февраля 1938 года в 9 часов вечера, в канун празднования памяти вселенского учителя святителя Иоанна Златоустого, в честь которого, по-видимому, и был назван.

Постановлением Священного Синода 30 июля 2003 года Иван Васильевич Попов причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских XX века. Один из очевидцев жизни мученика в соловецком узнице писал о нем: «В светском звании Иван Васильевич был истинным монахом, безбрачным и девственником, смиренным тружеником, воздержником в пище и питии, благоговейным молитвенником к Богу. Сему все знавшие его — свидетели. Имея дар благодати Божией, слово знания (1 Кор. 12, 8), он трудами удесятерил талант, послужил им Церкви с великой пользой и прославил ее своей мученической кончиной».

Николай Деев

При подготовке этого материала были использованы следующие источники:

1. Протоиерей Сергей Голубцов. *Стратилаты академические*, М., 1999
2. Протоиерей Сергей Голубцов. *Профессура МДА в сетях ГУЛага*, М., 1999.
3. Игумен Дамаскин (Орловский). *Жития мучеников и исповедников Русской Православной Церкви*. Январь. Рукопись.